

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. П. ХАМАГАНОВ

М. Н. ХАНГАЛОВ КАК ЭТНОГРАФ-ФОЛЬКЛОРИСТ (1858—1958)

Матвей Николаевич Хангалов вошел в историю культуры и науки бурятского народа как историк, этнограф-фольклорист и педагог.

Бурят по национальности, он родился в 1858 г. в улусе Закулее, расположенном в Унгинской долине Балаганского уезда, в зажиточной бурятской семье. Окончив в 1876 г. Иркутскую учительскую семинарию, Хангалов работал учителем в Кудинской инородческой школе восемь лет, в Закулейском инородческом училище — три года, а в Бильчирском инородческом училище — тридцать один год, т. е. до конца своей жизни.

Интерес к этнографии проявился у Хангалова, когда он еще учился в семинарии. Свою педагогическую деятельность Хангалов сочетал с напряженной научно-исследовательской работой: днем занимался в классе с учениками, по ночам засиживался над своими фольклорно-этнографическими материалами, а в каникулы ездил по улусам для записи фольклорных текстов.

По своим общественно-политическим взглядам М. Н. Хангалов был демократом-просветителем. Эти взгляды Хангалова формировались под идейным влиянием русских революционных демократов (главным образом Н. А. Добролюбова, по вопросам фольклора) и близких к их позициям А. П. Щапова, Д. А. Клеменца (по вопросам истории и этнографии бурятского народа). Это во многом определило демократическую направленность фольклорно-этнографических работ Хангалова, прогрессивный характер его деятельности. Так, в работе «Общественные охоты у северных бурят», написанной им в соавторстве с Д. А. Клеменцом, показан антагонизм между богатыми и бедными.

Приобщившись к передовой русской демократической культуре, к великим идеям освободительной борьбы, Хангалов всю свою жизнь боролся против социальной несправедливости, против преступного мира взяточников, царских чиновников, жестоких властителей — нойонов, защитников реакционного патриархально-феодального порядка. Борясь против националистической идеализации патриархально-феодальной старины в Бурятии, Хангалов сумел показать в своих фольклорно-этнографических исследованиях и в подборе материалов, а также в своих дневниках процесс классовой дифференциации в улусах и твердо стоял на стороне тех «бедных бурят, которых безнаказанно эксплуатируют». Он с боль-

шим участием писал о «бедных, которые кое-как пробиваются», тогда как «только одни кулаки, крестьянские начальники и письмоводители в округах... веселятся»¹.

Путешествуя в 1906 г. по бурятским улусам и кочевьям, Хангалов отмечал тяжелое положение трудящихся бурят, рост социального неравенства, классовых противоречий. «Одесинский улус...» — писал Хангалов, — разделяется на две части: зажиточных и бедных. Зажиточные (богачи) принадлежат одной фамилии: Данчиновы, Ашудуевы, которые с давних времен были родовые старосты, как местные властители. После... стали головами, выборными и старостами, таким образом у них сосредоточилась власть. Бедные люди... задавлены нуждою и бедностью»².

Хангалов вел смелую последовательную борьбу против бурятского нойонства, шаманства, царских чиновников, против всех тех, кто охранял интересы эксплуататорского общества, обрекавшего трудовой бурятский народ на отсталость и бескультурье. Он резко обличал произвол и лихоимство тайш, земских чиновников, разных заседателей, исправников, шаманов и т. д.

За свои демократические убеждения и активную общественную деятельность М. Н. Хангалов, будучи уже известным ученым, находился под постоянным надзором полиции, подвергался травле, гонениям, арестам, длительным судебным преследованиям, наконец отбыл тюремное заключение в Балаганске. Но его борьба за свободу, справедливость, за идеи просвещения и гуманизма, за жизненные интересы народных масс завоевали ему громадный авторитет и глубокое уважение соотечественников.

М. Н. Хангалов подчеркивал прогрессивное значение присоединения Бурятии к России, хотя указывал на отдельные столкновения, имевшие место между отрядами казаков и бурятами»³. Он всячески подчеркивал живительное хозяйственное и культурное влияние русского народа на бурят. Так, он писал, что «прежние буряты не знали, как запрягать коней в телеги и сани. Они этот способ езды переняли от русских»⁴, а в статье «О бурятах, населяющих Иркутскую губернию», указывал: «...Буряты от русских научились строить сперва деревянные юрты, как в зимниках, так и в летниках... Затем буряты научились строить амбары, избы и прочее. Впоследствии буряты постепенно и понемногу начали принимать от русских хлебопашество, начали сеять хлеб»⁵.

Хангалов опубликовал также ряд историко-фольклорных преданий и народно-поэтических легенд, свидетельствующих о давней дружбе трудящихся русских и бурят. Он видел пути ликвидации отсталости родного народа в просвещении, в приобщении бурят к русской культуре. Вот почему он постоянно требовал, чтобы буряты, особенно дети, хорошо овладели русским языком, чтобы «читать русские книги», чтобы «постоянно учиться по-русски»⁶, глубоко изучив прежде всего свой родной бурятский язык.

Хангалов неизменно выступал за дружбу широких масс трудящихся русских и бурят. Вся его педагогически-просветительская, научно-этнографическая, общественная деятельность была воплощением этой идеи.

¹ Из дневника М. Н. Хангалова от 14 сентября 1906 г., тетрадь № 3, стр. 99 (архив Бурятского республиканского музея им. М. Н. Хангалова).

² Из дневника М. Н. Хангалова от 8 сентября 1906 г., тетрадь № 3, стр. 83.

³ См. предисловие Г. Н. Румянцева к Собранию сочинений М. Н. Хангалова, т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 6. В этот том включена значительная часть упоминаемых в настоящей статье этнографических работ Хангалова, а часть опубликована впервые.

⁴ Из дневника М. Н. Хангалова от 16 сентября 1906 г., тетрадь № 3, стр. 113.

⁵ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. I, Улан-Удэ, 1958, стр. 108.

⁶ Рукописный отдел Бурятского комплексного научно-исследовательского института, архив М. Н. Хангалова, инв. № 356.

Сам М. Н. Хангалов находился в постоянном общении с русскими учеными, общественными деятелями.

Видные русские ученые щедро и бескорыстно оказывали Хангалову научно-методическую помощь, редактировали его труды, продвигали в печать фольклорно-этнографические материалы. Так, большую помощь Хангалову оказывал Г. Н. Потанин, который сумел привлечь его, как и других бурят, к активной работе в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества. Благодаря руководству Потанина Хангалов создал ценные в научном отношении фольклорно-этнографические сборники: «Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым и др.»⁷, «Сказания бурят, записанные разными собирателями»⁸, «Балаганский сборник» (под редакцией Г. Н. Потанина)⁹. Эти сборники имеют большое значение для изучения жизни и быта бурятского народа.

Творческое общение связывало Хангалова с Н. Н. Агипитовым, правителем дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Об этом сохранились и письменные свидетельства современников.

«Член Отдела Хангалов,— писал Д. П. Першин,— занимаясь этнографией своих сородичей, собирает значительные материалы по шаманству. Отдел, заинтересовавшись собранным Хангаловым материалом, командировал его и Агипитова в 1882 г. для исследования шаманства к балаганским бурятам в Унгинскую степь для осмотра там многочисленных остатков каменного и железного веков. Материалы по шаманству были собраны с большой тщательностью, исследователи осмотрели все принадлежности шаманства, сделали с них рисунки и модели»¹⁰. Выступая 21 января 1896 г. на торжественном заседании членов Восточно-Сибирского отдела в день празднования юбилея Русского географического общества, Першин также отметил огромную работу Хангалова по изучению этнографии бурятского народа¹¹, а его статью «Зэгэтэ-аба. Облава на зверей древних бурят» считал крайне интересной.

Д. А. Клеменц писал в 1910 г., что «сельский учитель у бильчирских бурят, Матвей Николаевич Хангалов, уже более тридцати лет занимается изучением быта и верований бурят. Благодаря его трудам шаманство у северных бурят обследовано гораздо лучше, чем где-либо в Сибири»¹². По меткому выражению Клеменца, фольклорно-этнографическая работа Хангалова представляла собою энциклопедию бурятского быта¹³.

Хангалов был единодушно избран действительным членом Русского географического общества. К нему, как к знатоку жизни бурятского народа, за разными советами обращались многие русские и зарубежные ученые.

* * *

Педагогическая, научная и общественная деятельность М. Н. Хангалова в той или иной степени получила освещение в трудах Ф. А. Куд-

⁷ «Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по стелу этнографии» (далее ВСОРГО), т. I, вып. 1, Иркутск, 1889.

⁸ «Записки ВСОРГО», т. I, вып. 2, Иркутск, 1890.

⁹ «Труды ВСОРГО», т. V, Томск, 1903.

¹⁰ Д. П. Першин, Краткий очерк пятидесятилетней деятельности Русского географического общества по этнографии в пределах Азии. «Изв. ВСОРГО», т. XXVII, Иркутск, 1897, стр. 52.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² «Материалы по этнографии России», издание Этнографического отдела Русского музея, т. I, СПб., 1910, стр. 117.

¹³ Там же.

рявцева¹⁴, П. Т. Хаптаева¹⁵, Е. М. Залкина¹⁶ и др. К сожалению, ими оставлено почти неизученным фольклористическое наследие М. Н. Хангалова.

Деятельность Хангалова как фольклориста развернулась в конце XIX—начале XX в. Им были записаны многочисленные произведения бурятского фольклора, частично затем изданные, а также опубликован ряд статей по фольклору.

Следует отметить, что в своих высказываниях по кардинальным проблемам бурятского фольклора Хангалов подчеркивал тесную связь фольклорных произведений с породившей их действительностью, отмечал историко-познавательное и общественное значение фольклора. В народно-поэтических произведениях бурят он видел выражение чаяний бурятских трудящихся масс и их отношения к важным общественным вопросам. Разрабатывал Хангалов и конкретные, узкие проблемы, например происхождение танцев и песен.

В ряде своих трудов М. Н. Хангалов, касаясь происхождения бурятского народного искусства, выступал против реакционно-идеалистической теории «автономности», «отрешенности» искусства от экономических, социально-политических условий жизни общества. Так, он устанавливает связь национального танца «хатарха» с важным для бурят в прошлом занятием — охотой¹⁷. В отдаленные времена, действительно, придавалось, по-видимому, большое значение приобретению навыков для быстрого и успешного проведения облавной охоты — зэгэтэ-аба. Обучение этому буряты, как правило, проводили в дни, свободные от охоты, т. е. в период летних стоянок; там, на открытых местах, они проводили также обучение и военным действиям. Один из видов такого обучения и сохранился, по мнению Хангалова, «до нашего времени у нынешних бурят в виде национального танца х а т а р х а»¹⁸. Автор проводит подробное сравнение процесса облавной охоты с исполнением танца и делит охоту на три этапа¹⁹. Первый этап характеризовался тем, что газарши (руководители двух групп облавщиков) «со своими людьми двигались вперед, совершая каждый полукруг... до тех пор, пока круг не замыкался». Этому соответствует первая часть танца хатарха, когда «танцующие, образовав круг, держат друг друга за руки, опущенные вниз, и в это время медленно двигаются по солнцу, делая круг, и поют протяжные песни разного содержания».

На втором этапе охоты облавщики «начинают быстрее сужать круг и кричат уже громче». Этому соответствует вторая часть танца, когда танцующие, по описанию Хангалова, подвигаются друг к другу плотнее, наполовину поднимают руки и слегка машут ими вверх и вниз, наклонившись немного вперед. В это время песня делается менее протяжной и поется громче.

На третьем этапе зэгэтэ-аба еще быстрее суживается «круг охотников, которые при этом кричат уже очень громко, чтобы испугать зверей, которые попали в круг облавы». И в последней части хатарха его участники вплотную придвигаются друг к другу, руки держат в локтях почти под прямым углом и дружно, как один человек, подскакивают. В это время песня делается совсем отрывистой.

М. Н. Хангалов развивал мысль, что согласованные движения, коллективные стройные действия не только практически полезны, но и прият-

¹⁴ См. «История Бурят-Монгольской АССР», изд. 2-е, исправленное и дополненное, т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 357.

¹⁵ См. «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа», Улан-Удэ, 1942, стр. 165.

¹⁶ См. Е. М. Залкина, М. Н. Хангалов, Улан-Удэ, 1945.

¹⁷ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. I, Улан-Удэ, стр. 282—286.

¹⁸ Там же, стр. 284.

¹⁹ Там же, стр. 282—285.

ны. Впоследствии эти действия стали привычными, они постоянно отрабатывались, получали определенную систему ритмических повторов, сопровождались песнями и делались явлением искусства. В заключение своего исследования М. Н. Хангалов проводит идею о том, что утилитарное, узкопрактическое начало исторически предшествовало эстетическому.

Он вообще интересовался танцами, воспроизводившими производственную деятельность трудящихся бурят: изучал танцы, подражающие укрощению лошадей, а также танец «нараана малтаашадай наадан»²⁰, в котором представлялось, как женщина выкапывает корень сараны, и др. На основе тонких наблюдений за поведением зверей, животных и птиц буряты, по мнению Хангалова, создавали и другие танцы. «Кроме хатарха,— писал Хангалов,— буряты имели и другие пляски, которые состояли в подражании разным животным, зверям и птицам. Как народ охотничий, буряты должны были постоянно наблюдать зверей, чтобы уметь перехитрить их в случае надобности; потому и в играх и в плясках их выразилась наблюдательность и подражательность в этом отношении. Буряты плясали так называемый *хойр наадан*; в переводе на русский язык это будет глухарина игра. Пляшущие садились вдвоем на корточки, держась на одних носках ног; руки держали вытянутыми наравне с плечами; так поднятые руки представляли крылья глухаря. Пляшущие, подпрыгивая на носках, сходились и расходились; третий пляшущий представлял глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущие подражали также и крику глухаря»²¹.

К этой группе танцев Хангалов относил и «баабгайн наадан» — медвежьей пляску, «шонын наадан» — волчью, «тэхын наадан» — козью.

Интерес Хангалова к народным танцам, отразившим трудовую деятельность бурят (например облавную охоту, укрощение лошадей, выкапывание луковицы сараны, уход за ребенком), а также к пляскам, подражающим поведению зверей и птиц, объясняется тем, что они служат ярким доказательством связи народного искусства с занятиями бурят — охотой, скотоводством, с их семейным бытом.

* * *

Говоря о происхождении бурятских песен, М. Н. Хангалов также полагает, что их создателем является трудовой народ.

Буряты в песнях прежде всего поэтизировали храбрых, метких охотников, ибо охота на медведей, волков и других зверей в дремучей тайге была небезопасна для человека, вооруженного лишь ножом, луком и копьем.

Смелым охотникам-героям были посвящены многие народные песни. «Меткие стрелки, руководившие облавами,— писал Хангалов,— пользовались известностью среди бурят; имена их сохранились в памяти народной, и о некоторых из них теперь еще поются песни. Так, в Балаганском округе помнят о некоем Номошки Габахаеве, который отличался меткостью выстрелов на местных облавах. Он был руководителем этих облав и будто бы сам сложил о себе следующую песню».

Приводя бурятский текст этой песни, М. Н. Хангалов раскрывает ее содержание: «Смысл этой песни таков. Сначала певец говорит, что он был руководителем (газарши) трехсотной облавы, охотившейся на вершинах трех падей; потом, что он был руководителем четырехсотной облавы,

²⁰ Бурятские термины и тексты, встречающиеся в работах М. Н. Хангалова, даны в настоящей статье в переводе на современную транскрипцию.

²¹ М. Н. Хангалов, Несколько данных для характеристики быта северных бурят, «Этнографическое обозрение», 1891, № 3, стр. 159. (Перепечатано в Собр. соч., т. I).

охотившейся на вершинах четырех падей, и, наконец, что он был руководителем пятисотной облавы в вершинах пяти падей»²².

М. Н. Хангалов приводит также песню о Шошке Амядаеве: «В песне, которую он сложил о себе, он хвалится, что в местности Доргото он убил семь козуль, а в местности Нагаса восемь козуль; затем он хвалит свою лошадь, которая, несмотря на неровность места, бегала, не спотыкаясь»²³. Очень важно отметить указание исследователя на то, что песня эта также создана самим охотником. Все это свидетельствует о глубоком интересе Хангалова к таким песням, которые сложены самими охотниками и воспевают представителей трудового народа, а не ханов и родоплеменных вождей. Он отмечал, что песни слагали и женщины, которые «принимали участие в облавах на зверей и в различных военных действиях».

В статье «Юридические обычаи у бурят» Хангалов приводит народные предания о том, как «одна девица, во время зэгэтэ-аба, отличалась меткостью в стрельбе, и лошадь у нее была хорошая; дядя ее из зависти застрелил стрелою из лука эту лошадь. Девица, оплакивая лошадь, пела:

Алайрай манай абада	В нашей аларской облаве
Альган минии дааралай,	Замерзла ладонь моя;
Алтан шаргалай хурданда	От быстроты бега золотисто-солового
Нюдэн минии борлолой,	Потемнело в глазах моих;
Алаха барихын урда	Перед тем, как поймать мне его,
Абага минии харбалай.	Застрелил его дядя мой» ²⁴ .

Приведя предание, положенное в основу этой песни, автор указывает на большое значение коня в жизни бурят в далеком прошлом, ибо тот, «который имел коня, имел и право голоса в делах, принимал участие в облавах на зверей и различных военных действиях и получал свой пай (хүби) из общего раздела»²⁵. Вот почему в «прежнее время, выдавая своих дочерей замуж, родители давали им верхового коня с полной сбруей, колчан со стрелами, запасные стрелы, лук и вообще все необходимое при облавах»²⁶.

Автор не случайно приводит не только песню, но и предание о ней, ибо оно с исключительной живостью рисует образ девушки-воительницы, которая соперничала с мужчинами, а нередко и превосходила их в стрельбе из лука, в верховой езде, в умении владеть мечом, копьем и пр. Выражая веру в творческие силы широких народных масс, Хангалов, естественно, не мог принять реакционные теории аристократического происхождения фольклора, которые в те годы уже были в ходу.

* * *

М. Н. Хангалов в своих работах показал огромное историко-познавательное и воспитательное значение фольклора. Так, на материале народно-поэтических легенд он старался выяснить отношение бурятского народа к шаманству и к шаманам.

В работе «Мои предки» Хангалов, используя конкретные факты из своей родословной, а также произведения народно-поэтического творчества, подчеркивает, что буряты и бурятки испытывали к шаманам «некоторое недоверие и даже презрение и нелюбовь. Об этом говорит,—

²² М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят, «Изв. ВСОРГО», т. XIX, № 3, Иркутск, 1888, стр. 3—4. (Перепечатано в Собр. соч., т. I.)

²³ Там же, стр. 4.

²⁴ М. Н. Хангалов, Юридические обычаи у бурят, «Этнографическое обозрение», М., 1894, № 2, стр. 131. (Перепечатано в Собр. соч., т. I.)

²⁵ Там же, стр. 129.

²⁶ Там же, стр. 132.

писал он,— и пословица: «Человек, испортившись, делается шаманом, а овца исхудавшая делается иноходцем», по-бурятски:

Хүн мужархада б^Ө болхо,
Хонин мурхада жоро болхо»²⁷.

Интересно отметить, что фольклорные произведения, которые использовал Хангалов в своих работах по шаманству, свидетельствуют о реакционной роли шаманства, о союзе шаманства и бурятского нойонства.

Выражая отрицательное отношение трудового народа к патриархально-феодальному строю, он записал и опубликовал в 1888 г. варианты «Легенды о прекращении обычая умерщвлять стариков». Легенда примечательна тем, что смело показывает, с одной стороны, жадность, алчность хана, зарившегося на золотую чашу, лежащую будто бы на дне моря, а с другой — его необузданный деспотизм, зверскую жестокость: «Тайжи-хан, желая достать эту золотую чашу со дна моря, собрал свой народ и всем приказал поочередно нырять в море за этой чашей; но кто ни ныряет, более уже не возвращается; таким образом Тайжи-хан утопил немало народа». Легенда воспевае простой народ, в среде которого нашлись люди, оказавшиеся умнее самого хана. Молодой человек — простой бурят, которому пришла очередь нырять в море за золотой чашей, обратился за советом к своему семидесятичетырехлетнему отцу, которого он, вопреки бесчеловечному обычаю умерщвления стариков и старух, достигших семидесятилетия, на свой собственный страх и риск прятал в течение уже четырех лет. Отец дал ему мудрый совет: золотую чашу надо искать не на дне моря, а на прибрежной горе, откуда ее блеск отражается в морской воде. Умственное и нравственное превосходство простых бурят над ханом талантливо показано в предании. Хан отдал строгий приказ на будущее время не исполнять обычай өөхэ үмхүүлхэ над стариками и старухами, которые полезны молодым людям своими советами и наставлениями»²⁸.

Переплетение новых воззрений с традиционными, иногда суеверными представлениями характерно для ряда бурятских фольклорных произведений, в которых выражен социальный протест, сочувствие освободительному движению. С особой силой это сказалось в социально-бытовой поэзии бурят, в частности в свадебных песнях. На первый взгляд кажется, что в этих песнях речь идет лишь о судьбе девушки-бурятки, жалующейся на свою участь: бесконечные обвинения ею своих родителей, жгучие упреки родным — отцу, старшим — в том, что они променяли ее на «коров и овец» и т. д. «Иногда девицы с невестою, — писал М. Н. Хангалов, — поют песни, укоряя своих родителей, что они их променяли на калым и отдают на чужбину; в этих песнях слышится глубокое горе и неудовольствие, что они по воле рока рождены девицами и принуждены жить вне родительского дома на чужбине; заунывный и протяжный мотив напева этих песен невольно заставляет прослезиться стариков и старух»²⁹. Той же грустью проникнуты и песни жениха. Это и понятно, ибо родители женили против воли его на девушке, которую он не любит. Тексты таких песен также приводятся Хангаловым³⁰.

Дети находились под деспотическим гнетом родителей, а те — под гнетом богатых и сильных; для всего строя жизни бурят, в частности

²⁷ М. Н. Хангалов, Собр. соч., т. I, стр. 134.

²⁸ М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят, стр. 26.

²⁹ М. Н. Хангалов, Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского инородческого ведомства Балаганского округа, «Этнографическое обозрение», М., 1898, № 1, стр. 47.

³⁰ Там же, стр. 53.

и семейной, в патриархально-феодальной Бурятии была характерна система порабощения. Этим вполне объясняется идейный смысл грустных бурятских свадебных песен.

Проявляя глубокий интерес к народным песням, Хангалов изучал их в связи с конкретной историей бурятского народа, с его занятиями охотой, скотоводством, земледелием. Фольклорные произведения привлекаются им для выявления отрицательного отношения народа к патриархально-феодальному строю, к ханской власти.

Все это хорошо показывает, что Хангалова интересовали фольклорные произведения, изображающие такие мысли и чувства, такие действия и события, которые имеют значительное звучание и показывают отношение широких народных масс к важным общественным проблемам.

* * *

Верный своему подходу к народной поэзии, М. Н. Хангалов ввел периодизацию бурятских народных песен на основе их идейно-тематического содержания, обусловленного теми существенными изменениями, которые происходили в области производства и в образе жизни бурят. В статье «Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят...» он наметил три таких периода.

К первому периоду Хангалов отнес песни «старинного происхождения», где «отражается образ жизни прежних бурят», когда они, «как охотничий народ, преимущественно жили в лесах и охотились за зверями... Вне облавы на зверей, во время стоянок, когда не охотились за зверями, они имели свои игры и забавы, во время которых пели песни». Ко второму периоду он относил «песни позднего происхождения», возникшие под влиянием перехода бурят к скотоводству. «Когда буряты стали заниматься скотоводством, то прежняя многошумная и бурная зэгэгэ-аба начала падать, скот доставлял без особых опасностей более питательную пищу, чем опасная и трудная охота...». Однако на первых порах при переходе бурят к скотоводству в их песнях продолжали упоминаться дикие звери, например, «имя изюбра и желание подражать голосу его. Следовательно, здесь смешались скотоводческий и звероловческий образ жизни бурят»³¹.

Третий период в развитии бурятских народных песен автор связывал с переходом бурят к хлебопашеству. Этот период датируется временем вхождения Бурятии в состав России. Тогда и появляются песни, отражающие новый род занятий — хлебопашество.

М. Н. Хангалов оставил ценные высказывания, касающиеся важных вопросов эпического творчества бурят, в частности эпоса «Гесер». Он записал «Гесер» со слов Петкова-Тушемилова и своего отца Николая Хангалова, дополнив текст отрывками, услышанными от Онгоя Чушкинова, Хабхуная и др. Правда, ввиду неразработанности в то время жанровых различий бурятских народно-поэтических произведений Хангалов ошибочно называл эпос «Гесер» «сказкой».

Объединив ряд вариантов эпоса, Хангалов опубликовал объемистый сводный текст в книге Г. Н. Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», а ряд других записей текста «Гесер» — в своем «Балаганском сборнике»³². Эти и другие публикации составляли в дореволюционной Бурятии главный источник для анализа социального содержания и поэтической формы эпоса «Гесер».

³¹ М. Н. Хангалов, Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят..., стр. 46.

³² М. Н. Хангалов, Балаганский сборник. Под редакцией Г. Н. Потанина, Тр. ВСОРГО, т. V, Томск, 1903.

«У балаганских бурят, — писал Хангалов, — с незапамятных времен устно передается из поколения в поколение сказка об Абай-Гэхэр — богдо-хане... Сказка «Абай-Гэхэр — богдо-хан» между другими бурятскими сказками занимает первое место; знающие ее бурятские рассказчики пользуются между бурятами почетом. При всяком удобном случае буряты в зимние долгие ночи стараются послушать или сказку про Абай-Гэхэр — богдо-хана, или же другую какую-нибудь. Бурятский рассказчик рассказывает, а все семейство бурят и собравшиеся соседи слушают сказку с большим вниманием. Сказки у бурят говорятся нараспев с рифмами; кто не может петь, тот говорит словами без пения. До чего достигает уважение бурят к рассказчикам сказок, можно видеть из народной поговорки: онтохоши хун олбог подушка дээрэ, дүүша хүн добуун дээдэ, „говорящий сказки человек (рассказчик) на перине и подушке, а поющий (певец человек) на бугре”»³³.

Текст эпоса «Гесер» М. Н. Хангалов сопроводил комментариями. Замечания об ореоле почета и уважения, которыми окружены имена улигершинов — народных поэтов, о широкой распространенности и популярности эпоса «Гесер» в народной среде, а также о характере бытования и о форме его исполнения представляют большой научный интерес.

Разнообразие тематики работ Хангалова опровергает хотя бы мнение о том, что его научные интересы якобы прочно утвердились исключительно в области вопросов древней истории бурят, что пафос всех его трудов составляет попытка доказать существование полулегендарной эпохи зэгэтэ-аба, что в силу этого у него было стремление во всем открывать следы и пережитки зэгэтэ-аба и т. д. Действительно, М. Н. Хангалов, изучая многие стороны жизни и быта бурят, немало интересовался их древним звероловческим бытом, нередко привлекал такие фольклорные произведения, в которых, как пережиток, сохранились следы облавной охоты. Однако он умел находить в историческом прошлом такие явления, которые связаны с современностью многими нитями.

* * *

Как фольклорист-собирающий М. Н. Хангалов руководствовался современными ему научными принципами собирания и публикации устных народных произведений. Правда, записанные им тексты эпических фольклорных произведений он при публикации подвергал иногда некоторому сокращению. Но тексты произведений более мелких фольклорных жанров (например: песен, благопожеланий, пословиц, загадок) исследователь записывал и публиковал в оригинале целиком, сопровождая их русским переводом. Как переводчик Хангалов стремился к точности, решительно отвергал переделку текстов, добиваясь непосредственности и простоты наряду с сохранением национального колорита.

Производя записи фольклорных произведений, Хангалов всегда их паспортизировал, указывая, от какой группы бурят они записаны, нередко сообщал имя и фамилию сказителя, улус, в котором он живет, социальное положение, возраст и т. д. К сожалению, Хангалов не дал характеристики творческой манеры улигершинов, не фиксировал их репертуар. Неутомимый собирающий и глубокий знаток бурятского фольклора, М. Н. Хангалов иногда производил записи текстов эпических поэм — улигеров в прозаической форме. Это объясняется, по-видимому, тем, что он записывал их не от крупных народных певцов, а от неспециалистов.

³³ Г. Н. Потанин, Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. II, СПб., 1893, стр. 114.

Большой интерес представляют комментарии Хангалова к текстам опубликованных им фольклорных произведений; в этих комментариях четко выявляется еще одна из основных черт его фольклористической концепции, а именно: этнографический принцип изучения фольклора.

Передавая текст «Легенды о прекращении обычая умерщвлять стариков и старух», о которой уже шла речь выше, М. Н. Хангалов указывал, что этот обычай возник в условиях примитивного уклада прежней жизни бурят, который, по его мнению, определялся охотой на зверей и рыбной ловлей, а отсюда — и постоянным передвижением в поисках «мест, удобных для добывания средств жизни», когда одряхлевшие старики являлись тяжелой обузой³⁴. Больше того, поясняя легенду, он дал конкретное описание самого обычая умерщвления, существовавшего в историческом прошлом и известного у бурят под названием өөхэ үмхүүлхэ (сало глотать).

Таким образом, тот этнографический метод изучения фольклора, который выдвинул Н. А. Добролюбов, привел М. Н. Хангалова к широкому и плодотворному использованию народно-поэтических произведений при освещении истории бурятского народа, его жизни и быта. Достаточно напомнить работы Хангалова «Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят», «Предания и поверья унгинских бурят», «Несколько данных для характеристики быта северных бурят», «Юридические обычаи у бурят», «Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания бурят Унгинского инородческого ведомства Балаганского округа», а также «Молочное хозяйство у бурят»³⁵, «Общественные охоты у северных бурят (Зэгэтэ-аба — охота на росомах)»³⁶ и др., не говоря уже о его работах, посвященных вопросам шаманства³⁷.

Прекрасно понимая важность и ценность фольклорных произведений как материала для характеристики жизни и быта народа, Хангалов стремился к их собиранию и публикации, чтобы как можно обстоятельнее изучить жизнь, мысли и чувства обездоленного в условиях царской России бурятского народа в интересах борьбы трудящихся против рабства и насилий, за свободу и счастье.

М. Н. Хангалов отдал много сил записи и публикации бурятского фольклора: легенд и преданий, улигеров, сказок, песен, пословиц и поговорок, загадок, благопожеланий — юролов и др. Записи Хангалова составили его широко известный «Балаганский сборник», вошли в сборник «Сказания бурят, записанные разными собирателями» и разбросаны по страницам дореволюционной периодической печати. К сожалению, они до сих пор не собраны воедино.

Записанные и опубликованные М. Н. Хангаловым народно-поэтические произведения свидетельствуют, что трудовой бурятский народ обладает большой поэтической душой, талантом словесно-художественного творчества. Всей своей деятельностью собирателя и публикатора Хангалов доказывал, что буряты имеют право на развитие своей культуры, ибо у них, как и у других народов, имеются ясные по идеям, ценные по своим художественным достоинствам фольклорные произведения. В результате неустанной многолетней работы М. Н. Хангалова как со-

³⁴ М. Н. Хангалов, Зэгэтэ-аба, Облава на зверей у древних бурят, стр. 2.

³⁵ «Изв. ВСОРГО», т. XXXI, № 1—2, Иркутск, 1901, стр. 118—149. (Перепечатано в Собр. соч., т. I).

³⁶ Статья написана М. Н. Хангаловым в соавторстве с Д. А. Клеменцом. См. «Материалы по этнографии России», т. I, СПб., 1910, стр. 117—154. (Перепечатано в Собр. соч., т. I.)

³⁷ См. «Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии». «Изв. ВСОРГО», т. XIV, № 1—2, Иркутск, 1883, стр. 1—61; «Новые материалы о шаманстве у бурят», «Зап. ВСОРГО», т. II, вып. I, Иркутск, 1890. (Обе статьи перепечатаны в Собр. соч., т. I.)

бирателя введено в научный оборот значительное число фольклорных произведений бурят.

В области научного анализа фольклорных произведений М. Н. Хангалов, как показано выше, оставил ценные наблюдения и замечания. Хотя ему не удалось обобщить в целостную систему свои теоретические высказывания, однако для него характерен материалистический подход к стержневым вопросам искусства.

* * *

Значение фольклористического наследия М. Н. Хангалова для истории бурятской национальной культуры велико. Его интерпретация основных проблем изучения бурятского фольклора — несмотря на некоторые ошибки — служила действенным оружием в борьбе против распространенной в то время реакционной космополитической теории, провозглашающей миграцию фольклорных сюжетов, отрывающей их от родной, национальной почвы, от конкретных условий классовой борьбы, а также против идеалистической буржуазной теории независимости народно-поэтического творчества от экономических, социально-политических условий общества, от актуальных задач освободительного движения. Его концепция противостояла и реакционным теориям аристократического происхождения фольклора. Следует также добавить, что М. Н. Хангалов не увлекался и мифологической концепцией.

Место М. Н. Хангалова в истории отечественной ориенталистики определяется тем, что он был первым фольклористом, который в тяжелых условиях царской России своими трудами заложил основы бурятской демократической фольклористики, углубил и расширил научно-этнографические изыскания, начатые Доржи Банзаровым.

Фольклорно-этнографическое наследие М. Н. Хангалова огромно, но еще до сих пор не учтено до конца, не собрано воедино, хотя оно имеет актуальное значение и сейчас, когда бурятский народ на принципиально новой основе успешно развивает свою социалистическую культуру, учитывая лучшие национальные традиции прошлого. В настоящее время Бурятский комплексный научно-исследовательский институт приступил к изданию собрания сочинений Хангалова под редакцией Г. Н. Румянцева; первый том, содержащий значительную часть упомянутых выше этнографических работ Хангалова, вышел в свет в конце 1958 г.

В 1958 г. советская общественность отметила столетие со дня рождения М. Н. Хангалова. Бурятский народ законно гордится своим сыном, который сумел выдвинуться из темноты и невежества в ряды прогрессивных ученых, активных общественных деятелей России.